

Симон Соловейчик

«Сколько лет школе?»

Симон Соловейчик

Сколько лет школе?

Москва, Издательский дом «Первое сентября»

2018

С. СОЛОВЕЙЧИК

Рисунки
Ю. ВЛАДИМИРОВА
и Ф. ТЕРЛЕЦКОГО.

Сколько лет школе?

Симон Соловейчик. Сколько лет школе. Впервые опубликовано в журнале «Пионер»
№№ 11/1969 (с. 60–64); 12/1969 (с. 42–44); 1/1970 (с. 36 – 39)
Рисунки Ю. Владимирова и Ф. Терлецкого.

Ав самом деле – сколько лет вашей школе? Когда она построена, это легко узнать. Спросите учителя или директора, они скажут. Есть школы совсем новенькие, может быть, только что открытые, стены еще краской пахнут. Каждый год строят много новых школ. А есть старые, даже такие, которым по пятьдесят, а то и по сто лет. Однажды я был в Смоленске в очень старой школе: она отмечала свое 150-летие.

В музее этой школы висят портреты замечательных ее учеников, и кажется удивительным: как будто все жители Смоленска прежде учились именно в этой школе и ни в какой другой. Потом оказалось, что так и было. Просто до революции в этой школе помещалась гимназия, единственная на весь Смоленск. В каждом городе, который прежде был центром губернии, почти наверняка сохранились такие старые школы, бывшие гимназии.

Когда была построена школа, узнать легко. А когда она была устроена так, как сейчас? Когда все это появилось: классы, классные доски, отметки, дневники, школьные правила, расписание уроков, педагогические советы, библиотеки и кабинеты, учебники, уроки на дом? И кто все это придумал?

Возможно, кто-то считает, что так было всегда, или, скажем, тысячи лет. А другим, наоборот, кажется, что все появилось совсем недавно, а раньше ничего не было – ни школ, ни библиотек, ни кабинетов.

На самом деле школа стала похожей на школу ни давно, ни недавно, а двести лет назад. Точнее, почти двести лет – в 1786 году. В этом году произошло одно событие, которое...

Но не будем торопиться. Сначала заглянем в школу начала и середины восемнадцатого столетия.

Легко сказать, заглянем!

Какой сейчас месяц, октябрь? Представьте себе, что в этом месяце, в октябре, посреди учебного года ваши родители решили переехать в другое место. Из Москвы в Новосибирск, или из Рязани в Челябинск, или из села Александровка в Тамбов. Вся семья переезжает, и, значит, вам надо менять школу. Но куда бы вы ни приехали, в Новосибирск, в Тамбов или в село Александровку, в какую бы школу вы ни попали, вы сможете поступить в тот же класс, в котором учились, и будете продолжать учение по тем же книгам, новых покупать не придется, и вы даже не очень отстанете за время переезда: на новом месте изучают те же самые разделы учебников, что и на старом, и так же ставят отметки учителя – ну, может быть, более строго или менее строго. Словом, можно продолжать учиться в любой школе страны.

А в те, старые времена, двести, двести пятьдесят, триста лет назад, было не так.

Все школы были разные. Читать-писать, конечно, учили всюду, а вот другие предметы, если они были, в каждой школе вводили по своему усмотрению. И порядки в каждой школе устанавливали свои.

Например, на юге страны можно было попасть в школу, внешне похожую на нынешнюю. Только вместо парт – столы и скамейки, вместо одной большой доски на всех – маленькие доски на несколько человек. На столах – чернила и гусиные перья, линейки, и в руках учителя – большая линейка (ее называли «ферула»). Это линейка не для черчения: ею учитель бил нерадивых учеников по рукам. Все ученики сидели в классе не просто, кто где сел, а по успехам. Кто хуже учился, тот сидел позади всех или у дверей, на неудобном месте. А лучший ученик в классе сидел за особым столом, впереди, и назывался «император». Он помогал учителю: спрашивал уроки, ставил отметки. «Император» садился на свое место с особыми церемониями, все ученики обязаны были оказывать ему уважение. Когда «императора» назначали, ученики хором славили его, пели: «Здравствуй, новый император!»

Но таких школ были единицы. Большинство детей из небогатых семейств училось в «школах мастеров грамоты». «Мастер грамоты» – это не учитель, это или отставной солдат, или старый чиновник, потерявший свое место, или грамотный крестьянин, или дьячок, прислуживавший в церкви во время богослужения, – словом, любой человек, каким-то чудом выучившийся читать (а писать – не всегда). Он набирал около де-

сятка ребят и учил их своему нехитрому искусству или у себя дома, или, если дело было в деревне, в разных избах по очереди: сегодня в одной, завтра в другой, послезавтра в третьей. За это учение родители платили ему небольшие деньги, с того он и жил, этот «мастер грамоты».

Сохранились воспоминания, как была устроена одна из школ. Она помещалась в низенькой лачужке с четырьмя окнами. Кроме кухни, в доме была всего одна комната, разделенная пополам. В первой половине учились, во второй жил учитель с семейством. Уроки (тогда говорили «классы») начинались в седьмом часу утра и продолжались до начала одиннадцатого часа. Потом ученики уходили обедать, возвращались в школу в час и опять занимались до шести часов (летом) или до четырех (зимой). Каникул не было, уроков на дом не задавали, потому что ни у кого не было книг, по которым, можно было бы делать уроки. Книги стоили очень дорого.

Ученики являлись в класс в чем попало: летом босые, зимой в тулупах. Учитель носил байковый сюртук. Перед уроком все молились. Считалось, что есть святые, которые особенно благоволят к ученикам, потому что в детстве эти святые сами учились с трудом – были «косны на понимание». Если дело шло плохо, мальчик прерывал долбежку и молился этим святым, просил их заступиться.

Учитель приходил в класс с собакой по кличке Барсук. Пес лежал спокойно в углу и ждал своего часа, пока кого-нибудь вызовут отвечать. Тогда Барсук вставал и, не торопясь, подходил к столу отвечающего. Учитель был строгий, отвечали ему стоя навтыяжку – упаси бог шелохнуться! Вот этим и пользовался Барсук: он «прехладнокровно», как пишет автор воспоминаний, вытаскивал из открытого ящика под столом кусок пирога, припасенного учеником на завтрак, и лениво уходил на свое место в угол.

После обеда учитель очинивал всем гусиные перья, ученики принимались за чистописание, а учитель спал. Спал он тут же, на скамейке. Если он уходил в свою комнату, все равно в классе было тихо, потому что все знали: в перегородке просверлены дырки для наблюдения.

Были школы получше: их обычно устраивали богатые помещики. Например, в многочисленных имениях князя Куракина созданы были не просто школы, а даже интернаты, как мы сказали бы сейчас. Князю нужны были грамотные люди: приказчики, писари, старосты, вот он и учил детей, «чтоб к службе впредь годиться могли». При школе, кроме учителя, жила женщина – кухарка и прачка. Она кормила и обстирывала ребятшек. На кухне – квашня, чашки, ковши, ложки, жбан для кваса, ведра, сита – все, что нужно. Школьникам полагалась одежда: овчинная шуба на три года, серый суконный кафтан на два года, сермяжные штаны, холстинные рубашки и портки, красный кушак, шляпа или шапка, шерстяные или нитяные чулки, рукавицы или «вариги», суконные онучи, лапти, «коты» или сапоги и платки: два на шею и два носовых.

Князь лично следил за успехами своих будущих слуг. Каждый год учитель посылал ему образцы письма школьников.

Но, видно, жилось ребятам не слишком хорошо. Об этом можно судить по жалобе, которая сохранилась в княжеском архиве. Ее прислали ученики Ошурковской школы 26 июля 1781 г. (село Ошурково – в сорока пяти верстах от Зубцова, нынешней Калининской области). Вот эта жалоба на старосту Попова:

«Бьют челом Тверской вашего сиятельства вотчины школьники Иван Гаврилов, Никифор Никитин, Еким Иванов, Денис Митрофанов, Егор Родионов и милости у вашего сиятельства просим, сироты, на Кузьму Попова. Находимся мы, ваше сиятельство, в школе и тако претерпеваем мы, нижайшие, тягости немалые».

Дальше рассказывается суть дела: солдатка, приставленная к школьникам, ничего не делает, только печь топит; она все время жалуется на школьников старосте Попову, «возмущает», настраивает его против ребят и с каждой квашни таскает Попову по хлебу. «И от того возмущения солдатки он, Попов, нас всегда бьет напрасно... Также и во пьянстве всегда нас разгоняет, в прошлом году пьян сий школьник Егору Иванову, Денису Митрофанову, Кириле Митрофанову проломил голову... По лету мы, нижайшие, на Попова работаем, яко подлые его крестьяне, в саду дороги чистим и гряды копаем, капусту поливаем, из погреба грязь таскаем, гусей и уток пасем, а как в лесу грибы и орехи поспеют, то он нас повседневно посылает, а из того нам участку (то есть доли) не бывает, но сверх того зимой ребят его качаем и на руках носим, отчего мы, сироты, науку грамоты забываем и той несносной тяготы нести не можем».

Неизвестно, как откликнулся князь на жалобу, но в расходных книгах села Ошуркова есть такая запись: дескать, куплено два замка – «Один к чулану, а другой к цепи для сажания школьников, дано за оба 9 коп.». Может быть, князь и наказал старосту Попова, а может, дело кончилось тем, что жалобщиков посадили на цепь...

А как, интересно, учились грамоте дети самого князя? В какую школу они ходили?

А ни в какую. Богатые люди, дворяне, помещики, как правило, нанимали для своих детей домашних учителей. У кого было поменьше средств, тот нанимал семинариста из духовной семинарии или «мастера грамоты», а у кого денег побольше, тот приглашал учителя-иностранца. Иностранцы, французы и немцы, были особенно желанны для роли домашних учителей: они должны были учить дворянских детей свободно разговаривать на французском или немецком языках. Ведь в высшем свете больше говорили по-французски, чем по-русски, так было принято. Рассказывают, что при дворе императрицы Екатерины II только два человека знали русское правописание: князь Потемкин и граф Безбородко. Остальные предпочитали писать по-французски, в русской грамоте они были не сильны.

Учителей из-за границы требовалось много. А где их взять? В кадетский корпус (это учебное заведение для будущих офицеров) выписали из Франции восемь лакеев. Едва они приехали в Россию, как тут же и разбежались: их всех наняли домашними учителями французского языка. Неважно было: учитель, лакей ли, седельщик или портной – лишь бы француз, сгодится. Один расторопный финн объявил себя французом, нанялся в богатый дом и стал обучать детей помещика вместо французского родному своему финскому языку. Пока папаша заподозрил подвох, прошли годы, дети выучились не тому языку, какому нужно было.

В самых богатых домах учителя жили по-барски. Вот договор, подписанный графом Головиным в 1726 году:

«Я, нижеподписавшийся, заключил это условие с французом Генрихом Жаком Пираром, которого нанял в гувернеры к моим детям на два года; в продолжение этого времени вышеозначенный Пирар будет обучать моих двух сыновей не только французскому языку, но и хорошим манерам; он будет исполнять свои обязанности со всевозможным усердием и будет вести себя как честный человек. Я, с своей стороны, обещаюсь заплатить ему, Пирару, шестьдесят рублей и сшить новую пару платья. Сказанный Пирар будет жить в особой комнате с моими детьми, а обедать и ужинать будет за моим столом. Но когда нам не случится быть дома, ему будут посылать кушанья в его комнату. Ежедневно он будет получать две кружки пива и еженедельно бутылку водки. В его распоряжение будет предоставлена одна верховая лошадь; когда мы поедем в Москву и в деревню, он обязан ехать вместе с нами. Оба мы обещаем хранить это условие ненарушимо. Граф Александр Головин».

Но Генрих Жак Пирар еще продешевил; другой иностранец, Шарль Бартоломи де Серрати, за обучение двух детей князя Голицына брал по 320 рублей в год. Это были очень большие деньги, за 40 рублей в начале восемнадцатого века можно было купить целую крестьянскую семью. Сверх этой платы князь обязался

«давать ему пятнадцать ведер вина простого (очевидно, в год?), постелю со всем прибором, мыть в доме так, как самому князю; свечи и топливо, сколько он желает... Летом коляску парю, зимой сани парю и с хомутами наборными, да еще малого (то есть прислугу), да кучера в ливрее; лошади и люди всегда будут в его диспозиции (то есть в распоряжении учителя), и дабы никто не смел их тронуть без позволения...».

Возможно, Шарль Бартоломи де Серрати был прекрасный учитель: он взялся выучить детей князя Голицына четырем языкам, истории и географии. Не будем тревожить его тень запоздалыми сомнениями. Но одно совершенно ясно: содержать таких дорогих учителей было под силу лишь очень немногим. Для крестьянских семей даже «мастера грамоты» были слишком дороги, учение было роскошью. И в то же время стране очень нужны были образованные люди.

Уже шли занятия в Московском университете, уже совершил свои открытия замечательный ученый М. В. Ломоносов. Первые русские профессора вели научную работу в Петербургской Академии наук. Появлялись новые заводы – им нужны были специалисты. Столетиями развивалась русская культура, и вот уже она была на пороге XIX века, когда на весь мир прославились русские писатели, художники, музыканты, ученые.

Но, чтобы этот расцвет наступил, нужно было как можно больше грамотных людей, как можно больше школ.

Где же выход из этого положения?

Как сделать, чтобы школы стали доступны, если не всем (об этом в восемнадцатом веке речи не было), то хотя бы как можно большему числу детей?

Такой выход был найден.

Восемнадцатом столетии школы были разные: «мастеров грамоты», цифирные, так называемые «русские» школы при Адмиралтействе, помещичьи, гарнизонные, монастырские, приходские (при церквях), городские – kloкочущая масса школ и школок, никем не учтенных, ни в какие списки не занесенных. Они то открывались, то закрывались и все время выплескивали на поверхность грамотных людей. А чем больше грамотных, тем быстрее развивается культура страны и, значит, еще нужнее становятся образованные люди.

Но у всех этих разнообразных школ и школок была одна общая черта: в них учили не классами, а каждого ученика в отдельности. В комнате сидит десять – пятнадцать учеников, но каждый из них учит свое: один начинает азбуку, другой читает по складам, третий уже кончает псалтырь, четвертый и вовсе кончил его и в знак благодарности учителю приносит горшок с кашей. Такой был древний обычай: когда школьник кончал изучать какую-нибудь из книг, он приносил в школу горшок с кашей. В далекие времена кашу сверху обкладывали монетами – это была плата учителю. В конце восемнадцатого века монетки не приходилось выуживать из вареного пшена, деньги за учение платили обычным путем, но горшок с кашей все равно приносили. Когда в этот день кончали занятия, все ребята выхватывали ложки и вмиг уничтожали сладкую кашу, а пустой горшок выносили во двор, ставили посреди и швыряли в него палками – кто попадет. Кто разобьет, тот герой, но только удирай, герой, побыстрее, потому что весь класс гонится за тобой. Догонят – надерут уши. Славная куча мала получалась! Учитель и его семейство хохотали до упаду.

Но вот в самом конце восемнадцатого века решено было создать государственную сеть школ. Для этого пригласили ученого серба Федора Ивановича Янковича, потому что он проводил такую же реформу за границей, в Австрии, и показал себя отличным организатором.

Первым делом Федор Иванович открыл в Петербурге педагогическую семинарию – можно сказать, первый в нашей стране педагогический институт. До этого учителя нигде не учились: кто знал грамоту, у кого была охота, тот и преподавал. Учителей-специалистов не было. Педагогическая семинария работала без каникул, в страшной спешке и в скором времени выпустила сто первых настоящих преподавателей.

Одновременно Федор Иванович взялся за учебники. Специальных школьных учебников ведь тоже не было!

Грамоте в основном учились по церковным сборникам молитв. Бывало, что ученик выучивался не вообще читать, а читать только ту книгу, по которой занимался.

Арифметике учились по старой книге, которая вышла в 1701 году. Это была очень хорошая «Арифметика» (ее написал Леонтий Магницкий из Осташкова), но за сто лет она, конечно, устарела.

Преподаватели семинарии, ученики Ломоносова, под руководством Федора Ивановича Янковича стали составлять учебные книги и пособия: азбучные таблицы, букварь, прописи и руководство к чистописанию, всемирную историю, русскую историю, руководства по арифметике и механике, землеописание Российского государства, краткие руководства по геометрии и по физике.

За пять лет составили и напечатали двадцать школьных учебников. Да еще приготовили для школы исторические и географические карты, глобусы, атласы, таблицы.

И вот в 1786 году в двадцати шести губернских городах было открыто по одной новой школе – с новыми учителями, с новыми учебниками.

Но самое главное новшество заключалось вот в чем: в этих школах учили не каждого ученика по отдельности, как прежде, а целый класс. Учили не как попало, а уроками. Урок – переменка, урок – переменка. Класс и урок – основа нынешней школы. Эта система занятий так и называется: «классно-урочная».

До того времени в комнате, где учились, всегда стоял гул: всяк зубрил свое. Одни читали, другие в то же самое время отвечали.

Теперь на уроке установилась тишина. Это великое событие произошло в 1786 году. Кто знает, может быть, в 1986 году будут торжественно отмечать двухсотлетие установления тишины на уроках...

Раз все проходят один и тот же материал, значит, не нужны больше маленькие грифельные доски – нужна одна большая доска на весь класс. Такая доска появилась, и с тех пор появилось выражение «классная доска».

Затем, если на уроке тихо, значит, нужно было установить порядок: что делать тому, кто хочет спросить учителя или отвечать.

Сегодня каждый первоклашка в первый же день узнает: хочешь сказать что-нибудь, подними руку и жди, пока учитель разрешит говорить.

Но и это правило надо было изобрести. Оно появилось все в том же 1786 году.

И впервые стали устраивать перед уроками переключки и говорить «здесь!».

Вот так школа стала немножко похожей на школу.

Было напечатано подробное руководство для учеников: «Как ученикам сходить в училище, в оном поступать и из оного выходить».

Особенно всех волновало, как ведут себя ученики по дороге из школы домой. Еще за сто лет до этой реформы издавались правила поведения учеников, и в тех древних правилах можно прочитать:

«Когда же учитель отпустит вас..., со всяким смирением до дому своего идите; шуток и кощунств, пхания же друг друга и биения, и резвого бегания, и каменовержения (то есть бросания камнями), и всяких неподобных детских глумлений да не водворится в вас».

Было издано и наставление для учителей. В нем, в частности, подробно перечислялось, чего учителю нельзя делать: нельзя бить учеников ремнями, палками, плетью, линейками, розгами; нельзя давать им пощечины, бить их кулаками и толкать, нельзя драть за волосы и за уши и ставить на колени, нельзя обзывать их «скотиной», «ослом» и т. д.

Но эти правила еще долго не соблюдались, они остались на бумаге. Воспитанники духовной семинарии города Владимира сочинили такую грустную песню:

Житье в школе не по нас:

В один день секут сто раз!

О горе! О беда!

Секут нас завсегда!

Придешь в школу не готов,

Не припомнишь разных слов,

Не с другого слова – в рожу,
Со спины сдерут всю кожу.

О проклятое чернило!
Сердце наше иссушило.
И бумага и перо
Сокрушают нас зело!

Как учителя узришь,
Полумертв в школе сидишь.
Хоть какого молодца
Сокрушит школа до конца.

Почти сто лет понадобилось на то, чтобы в школах перестали бить детей. Ведь вскоре после реформ 1786 года розги опять были разрешены, и в каждой гимназии обязательно был специально назначенный отставной солдат, к которому по субботам (да и в другие дни) посылали учеников на расправу. Только в 1864 году – век назад – розга была окончательно изгнана из русской школы. А в других странах детей били еще долго. Мама известного русского художника Валентина Серова (быть может, помните его картину «Девочка с персиками»?) отдала своего сына в немецкую народную школу – Серовы жили за границей. Все

было хорошо, но вдруг она узнала, что школьный учитель «крепко дерется». Возмущенная женщина пришла к учителю, а тот ей отвечал:

– Ведь я не бью в запальчивости, у меня, строго рассчитано, сколько линейкой бить по ладони и как силен должен быть удар.

– У нас в России в школах не бьют! – сказала Валентина Семеновна.

– Берите вашего сына из школы, сделайте милость! – отвечал учитель, негодуя.

«У нас в России в школах не бьют!» – такие слова стали возможными только с середины прошлого века.

...Но вернемся к той реформе 1786 года. Что она дала? А вот что: учение стало гораздо дешевле. Теперь, когда учитель стал обучать целый класс, до сорока учеников, больше ребят могли ходить в школу.

К 1800 году, к началу девятнадцатого века, было уже триста пятнадцать новых школ, семьсот девяносто учителей и почти двадцать тысяч учеников. Конечно, мало, но все-таки поезд тронулся с места, хотя и медленно-медленно.

Средних же школ – гимназий – было и того меньше.

К началу девятнадцатого века в России было всего три гимназии: в Москве, Петербурге и Казани. Но потом их становилось все больше и больше, и в них, в гимназиях, постепенно вводились разные усовершенствования, которыми мы пользуемся до сих пор.

Но об этом – дальше.

Вы уже прочитали о том, как школа стала немножко похожей на школу. Прежде ученики занимались сами по себе. В комнате (ее и классом назвать трудно) стоял гул: каждый зубрил свое, учитель по очереди спрашивал, остальные ребята продолжали заниматься своим делом. А в самом конце восемнадцатого века появились классы, общее учение и одна общая классная доска на всех. Учитель стал похож на дирижера, который руководит занятиями сразу всего класса: он рассказывает – все слушают. Он пишет на доске – все открывают тетради и пишут то же самое. Во всех тетрадях одни и те же задачи. Почерки разные, и решения разные (у одних правильные, у других неправильные), но задачи одни и те же.

Если сравнить нынешнюю школу и гимназию самого начала прошлого, девятнадцатого века, то окажется, что у них довольно похожие очертания – рисунки можно наложить один на другой, и они примерно совпадут. Но только очертания общие! А подробности, а краски, само содержание рисунка – все разное.

Целых сто лет – весь девятнадцатый век – школа сама училась быть школой.

Многие вещи, которые сейчас кажутся совершенно простыми, приходилось мучительно изобретать.

Например, чему учить в школе? Сегодня расписание уроков привычно: литература, математика, физика, химия, география, история, иностранный язык, обществоведение, биология, рисование, пение, уроки труда.

Но ведь и сегодня спорят, какие предметы надо изучать, а какие не надо. И на какие предметы больше отводить уроков, а на какие меньше.

Ну, например, уроки физкультуры – два раза в неделю. А может быть, нужно проводить их каждый день, а уроки математики сократить? Или ввести совсем другие предметы, скажем, стенографию, которая учит человека очень быстро и потому очень точно записывать чужую речь и свои мысли. Тоже ведь очень полезно! Или, может, ввести уроки логики – науки о законах мышления, или уроки психологии – науки о душевной жизни человека...

Так спорят сегодня; а что творилось в прошлом веке, когда вся система предметов еще не устоялась!

Тогда многим учителям казалось, что главными предметами в школе должны быть не литература, не математика, не биология, а латинский и древнегреческий языки.

Им говорили: «Да зачем же учить латинский язык, если сегодня никто на этом языке не разговаривает?»

«Ну и что же, – отвечали сторонники «классического» образования, то есть такого образования, в основу которого положено преподавание древних, уже умерших языков, – ну и что же? Зато латинский язык – строгий, красивый, на этом языке написано много прекрасных книг и научных сочинений. Латинский язык сам по себе, конечно, не нужен, но зато он развивает ум и память...»

И вот гимназисты каждый день учили латинский и греческий. Почти половина всего их времени (точнее 41 процент) уходила на уроки древних языков!

Родители возмущались. Латынь – очень красивый язык, но нельзя забивать головы одной латынью! Однажды в Москве, в Малом театре, артист Музиль спел такие куплеты:

У нас сильное внимание
На одно обращено,
Чтобы наше воспитание
Ведено было умно.
И теперь уж есть надежда,
Что чрез несколько годов
Выйдут круглые невежды
Из классических голов...

Когда артист Музиль пропел эти куплеты, в зале поднялось что-то невообразимое: все повскакали, затопали ногами, стали кричать: «Браво, браво, бис, бис!» Оркестр хотел было продолжать, да его заглушали криками – пусть артист еще раз повторит свой куплет про круглых невежд из классических голов... Почти целое столетие шла борьба: изучать или не изучать латынь и древнегреческий? Латынь то отменяли, то вводили вновь, да еще больше уроков давали ей, но постепенно «мертвые» языки вытеснялись «реальными» науками: физикой, химией, биологией, географией, астрономией. Но только после Октябрьской революции

от древних, «мертвых» языков совсем отказались, и расписание уроков (тоже, конечно, не сразу) стало похожим на нынешнее.

А отметки? Отметки ведь тоже не всегда были, как сегодня. Михаил Васильевич Ломоносов предлагал, например, ставить такие отметки:

В. И. – все исполнил.

Н. У. – не знал уроки.

Н. Ч. У. – не знал части урока.

З. У. Н. Т. – знал уроки нетвердо.

Н. З. – не подал задачи.

Х. З. – худа задача.

Б. Б. – был болен.

У других учителей были свои обозначения, и, в общем, можно сказать, отметки ставили, кто как хотел и кто какие хотел. Но в 1835 году было введено единообразие: появились оценки «5», «4», «3», «2», «1». Так, что в этом году нашим «пятеркам», «тройкам» и «колам» ровно сто тридцать пять лет.

Страшно даже подумать, сколько «пятерок» и «единиц» поставлено за эти сто тридцать пять лет. Миллиарды, наверно!

Может, кому-нибудь это кажется утешительным: что, дескать, моя маленькая «двойка» в таком огромном море отметок?

Но лучше поговорить о «пятерках». Вы заметили, что человека, у которого все «пятерки», не называют «пятерочник» (как, например, «двоечник»), а говорят «отличник». Это потому, что еще перед войной и в начале войны отметки в школе были другие: «отлично», «хорошо», «посредственно», «плохо» и «очень плохо». Отсюда – «отличник», это слово осталось. В некоторых школах говорят еще «хорошист» (человек, у кого одни «пятерки» и «четверки», а «троек» нет). Но это слово звучит ужасно, и лучше его не употреблять.

Кроме плохих отметок, прежде существовали и другие наказания. Мы уже знаем из прошлых номеров «Пионера», что розги в русской школе были полностью отменены сто лет назад – в 1864 году. А вот карцер – особые комнаты, куда нерадивых учеников запирали после уроков «без обеда», – оставался до самой революции. Особенно строго наказывало гимназическое начальство тех гимназистов старших классов, кто читал «запрещенную» литературу: книги революционеров. Сегодня сочинения великого критика В. Г. Белинского изучают в старших классах, читают статьи Добролюбова, Писарева, Герцена. А прежде существовало негласное правило: за чтение Белинского – шесть часов карцера, за чтение Добролюбова – в первый раз двенадцать часов, а если снова попадешься, то целые сутки. А за Писарева или Герцена – «аминь!». Так гимназисты называли исключение из гимназии с «волчьим билетом» – без права поступить в другую гимназию.

За гимназистами вообще следили очень строго; им ни в коем случае нельзя было появляться, например, на улице позже установленного времени. Специальные

надзиратели следили этим. В городе Немирове перед первой мировой войной произошел такой случай: два гимназических надзирателя спрятались за забором и оттуда через щелочку выслеживали запоздавших гимназистов. Вдруг видят: один гимназист на велосипеде едет. Не положено! В карцер его! Выбежали, догнали, налетели – оказалось, это не гимназист, а студент, да еще и бойкий: он подал на надзирателей в суд – зачем к людям пристают на улице? И суд стал на сторону студента!

Прилежных и успевающих учеников и прежде награждали подарками – книгами, а при выпуске – золотыми медалями. С 1872 года в школах появилась еще «Красная доска», или, как сейчас сказали бы, «Доска почета». На доске вывешивали таблички с именами лучших учеников. Кстати, в этом же, 1872, году, то есть без малого сто лет назад, вместе с учебниками гимназисты стали носить в ранцах дневники для записи уроков на дом и для отметок учителя: школа стала регулярно сообщать папам и мамам своих учеников, как идут занятия. До того времени школа к родителям обращалась только в самых крайних случаях, когда дело шло об исключении. А еще позже, во время революции 1905 года, в гимназиях стали создавать родительские комитеты – родители начали принимать участие в жизни школы. Педагогические же советы, педсоветы, появились, конечно, гораздо раньше – в 1827 году. Вернее, вышло такое распоряжение – создавать педагогические советы. А на самом деле советов не было, и директор гимназии правил единолично до середины прошлого века, когда великий русский педагог Николай Иванович Пирогов добился, чтобы они работали.

О старой, дореволюционной гимназии есть очень много воспоминаний. Наверно, все читали интересную книгу Корнея Ивановича Чуковского – она так и называется: «Гимназия». И во многих других книгах описывается, как трудно было учиться прежде, какие бездушные были порядки. Один из прежних гимназистов пишет, например, что дружбу между учителем и учеником в гимназии было так же невозможно представить себе, как невозможно увидеть лилию, выросшую у берегов Ледовитого океана.

Но, конечно, было и много очень хороших учителей и очень хороших гимназий.

Надежда Константиновна Крупская писала, что она никогда не забудет своих учителей, и об этом же говорили многие выдающиеся люди. Порядки порядками, но всегда были учителя, которые любили детей, встречались с ними после уроков, рассказывали о своей науке интересно и увлеченно. Учителем гимназии в Саратове был несколько лет молодой Николай Гаврилович Чернышевский. Когда он уезжал из Саратова, все гимназисты собрались у дверей его дома – им было жалко, что их учитель уезжает. Очень добрым учителем был отец В. И. Ленина Илья Николаевич Ульянов. Он, например, никогда не ставил «двоек» своим ученикам, чтобы не навлечь на них гнев директора, чтобы не стали их сажать в карцер. Вместо «двоек» он ставил в журнале точки – кому поменьше, кому пожирнее, и тот, кто не выучил урока, знал, что Илья Николаевич все равно спросит его, и все хорошо учились. В школе до революции было много плохого, но не надо забывать, что в этой же самой школе выучились многие выдающиеся люди нашей страны, большие ученые и писатели. Иногда рассказывают, что тот или другой из знаменитых людей учился в школе плохо. Верно, так бывало. Отметки не всегда были хорошими, не все получали золотые медали, как Ленин. Но все очень много занимались. И в конце концов без учения ни один великий человек на свете не стал бы великим!

Курсы
Первое сентября

Богатый опыт дистанционного обучения

200 популярных курсов на выбор
доступные цены

МСО*
1 день

МСО*
3 дня

МСО*
7 дней

МСО*
14 дней

МСО*
21 день

курсы.1сентября.рф

Квалификацию повысили более 150 000 педагогов

МСО* – минимальный срок обучения

Удостоверения установленного образца

Деятельность осуществляется на основе лицензии 77Л01 №0007183, рег. №036377 от 23.07.2015,
выданной Департаментом образования г.Москвы.